

Е.А. Игнатьева*

E.A. Ignat'eva*

**Институт уполномоченных
в сибирской деревне периода
«Великого перелома»:
роль, функции, значение**

**The Institution of Commissioners
in the Siberian Village of the Period
of “Great Break”:
Role, Function, Significance**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-2

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-2

УДК 94(571.1)«1929/30»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Игнатьева Е.А. Институт уполномоченных в сибирской деревне периода «Великого перелома»: роль, функции, значение // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 17–26. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-02.pdf>

Ignat'eva E.A. The Institution of Commissioners in the Siberian Village of the Period of “Great Break”: Role, Function, Significance // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 17–26. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-02.pdf>

Abstract. The paper deals with questions of the activity of the institution of commissioners during “total collectivization” of agricultural sector. In the beginning of the “Great socialist transformation” a wave of numerous commissioners who were executors of directives fled into the village and supervisors of the activities of the local authorities’ activities as well. They performed the most important functions vital to the stability of the system. Commissioners were its “expendable” and continuously replenished and reproduced human resource at the same time. The widespread and application of this institution are indicative of the overburdening of the institutional system power which functioned in emergencies. The scholar investigates the institution within the framework of the structural-functional approach. This approach makes it possible to analyse the activity of the commissioners in the institutional system, to define their functions and role, and to determine the efficacy of their work in the village. The sources are archival documents of the Executive Committee in the Siberian region (krai) and Novosibirsk region (okrug), West-Siberian regional court, Central Control Commission of the Communist Party of the Soviet Union, OGPU authorized representative in the Siberian region (krai) and West-Siberian region (krai). The study establishes the functions and powers of the commissioners, the nature of their relationship with the local authorities and the society, the effectiveness of their work in the village, the place, role and importance of the institution in the Bolshevik’s system.

Keywords: “Great Break”; total collectivization; Commissioners; Twenty-five-thousander; social conflict; Siberia.

The article has been received by the editor on 27.04.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности института уполномоченных в процессе сплошной коллективизации деревни. С началом социалистической реконструкции в деревню хлынула «волна» многочисленных уполномоченных, которые были как исполнителями директив, так и одновременно контролерами деятельности местных аппаратных работников. Уполномоченный выполнял важнейший функционал, жизненно необходимый для устойчивости системы, являлся ее «расходным» и одновременно постоянно пополнявшимся и воспроизводившимся кадровым ресурсом. Широкое распространение и применение данного института свидетельствует о перенагрузке институциональной системы

* **Игнатьева Евгения Андреевна**, магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

Ignat'eva Evgeniya Andreevna, master's student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: jane.rose.gnr@yandex.ru

власти, функционировании последней в чрезвычайных условиях. Автор исследует данный институт в рамках структурно-функционального подхода, который позволяет проанализировать деятельность уполномоченных в институциональной системе, определить их функции и роль, результативность работы в деревне. Источниковую базу исследования составляют постановления и распоряжения ЦК ВКП(б) и его Политбюро, а также постановления Сибирского краевого комитета партии, делопроизводственная документация Сибкрайисполкома и Новосибирского окрисполкома, Западно-Сибирского краевого суда, Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю / Западно-Сибирскому краю. В ходе исследования установлены функции и полномочия уполномоченных, характер их взаимоотношений с местным аппаратом власти и населением, эффективность их работы в деревне, место, роль и значение института в системе большевистской власти.

Ключевые слова: СССР; Сибирь; «Великий перелом»; «сплошная коллективизация»; уполномоченные; двадцатипятидесятники; социальный конфликт.

Конец 1920-х годов в СССР ознаменовался переходом к доктрине построения «социализма в отдельно взятой стране». Пропаганда формировала представления о советской стране как осажденной враждебным капиталистическим окружением крепости, решающим условием выживания для которой становились форсированные и масштабные преобразования экономики. Новый курс развития СССР заключался в стремительной модернизации, предусматривавшей практически одновременное решение трех основных задач: индустриализации промышленности и транспорта, коллективизации сельского хозяйства и наращивания кадрового потенциала на основе повышения профессионального и культурного уровня населения, прежде всего, путем ликвидации его неграмотности.

Для реализации преобразований «сверху», к тому же, в исключительно короткий период, элиты используют два основных инструмента: чрезвычайность и мобилизацию. Соответствующий опыт имелся – Советская власть формировалась как чрезвычайная (революционного типа) власть, поэтому для большевиков данный подход не был в новинку.

Сталинская «революция сверху» демонстрирует процесс перехода чрезвычайных мер в «чрезвычайщину». Политика чрезвычайных мер в определенных ситуациях является единственно возможной, состояние же «чрезвычайщины» вызывается стремлением конкретного режима любой ценой удержать власть. Главными критериями перехода этой границы, очевидно, выступают: обращение к массовому террору как форме управления; подчинение регулярных органов управления чрезвычайным, карательно-репрессивным; внесудебный порядок рассмотрения дел; объявление части общества «врагами народа»¹.

Применение инструментов мобилизации и чрезвычайности оказалось настолько распространенным, что формировало и закрепляло соответствующие институты, призванные обеспечить решение возникавшей в ходе «социалистических преобразований» проблемы перенагрузки управленческой системы. Последняя с рубежа 1929 г. работала по принципу проведения в деревне перманентных мобилизационных кампаний, вовлекая в них значительный потенциал не только профессионально подготовленных управленцев в осуществлении знакомых для них функций, но и нередко весьма далеких от аграрной сферы специалистов, профсоюзных, комсомольских и других функционеров.

Одним из таковых и массовым по масштабам выступал институт уполномоченных, который в исследуемый период приобретал наднормативный и чрезвычайный характер, становился постоянной переменной институциональной системы сталинского режима. Как кадровая составляющая мобилизационных кампаний он нес в себе такие черты, как непрерывность, экстраординарность, конфронтационность, ресурсозатратность.

¹ Бордюгов Г.А. Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. № 2. С. 62–72.

Уполномоченные выполняли функцию «латания дыр» в институциональной системе, контролировали выполнение «генеральной линии», были не только «руками», но и «глазами и ушами» системы. С помощью данного института большевики осуществляли оперативный надзор над деревней «сверху» путем направления/командирования на различные сроки (от одной до нескольких недель²) «посланца» на нижестоящий уровень (центр – край – округ – район), наделенного полномочиями проверки хода реализации конкретных, касавшихся деревни, директив власти. Уполномоченные направлялись по партийной (в том числе и ВЛКСМ), государственной (от исполнительных комитетов) и хозяйственной (ведомственной) линиям, от силовых структур (ОГПУ) и общественных организаций (ВЦСПС)³.

Институт уполномоченных является объектом нашего исследования, предметом – деятельность уполномоченных, их функции, социальное поведение. Хронологические рамки исследования – вторая половина 1929 г. и 1930 г., период наиболее экстремальных и радикальных кампаний «Великого перелома» в деревне. Территориальные рамки исследования охватывают Сибирский край, с лета 1930 г. – Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края.

В качестве источниковой базы выступают постановления и распоряжения ЦК ВКП(б) и его Политбюро, а также постановления Сибирского краевого комитета партии, делопроизводственная документация Сибкрайисполкома, Новосибирского окрисполкома, Западно-Сибирского краевого суда, Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибирскому / Западно-Сибирскому краю.

Для исследования институциональной системы советской власти данного периода наиболее адекватным выступает структурно-функциональный подход, где концептуальное значение имеет работа Р.К. Мертон «Социальная теория и социальная структура»⁴. Данный подход позволяет анализировать влияние социальной и культурной структур на деятельность отдельных индивидуумов, объяснять те или иные поведенческие паттерны последних, причины и формы возникновения девиантного поведения, обратного воздействия личностного, а также группового и массового поведения на социоструктурную динамику. Помимо этого, для данного исследования большое значение имеет теория того же автора о природе и причинах возникновения непреднамеренных последствий преднамеренного социального действия, т.е. исследования механизмов и факторов, вызывавших отклонение фактических результатов от намеченных целей⁵.

Институциональное исполнение мероприятий «революции сверху» обычно оказывается на периферии исследовательского внимания. В качестве исключения можно назвать работы И.В. Павловой⁶, Н.П. Коржихиной⁷, Т.И. Морозовой⁸. Авторы изучают институциональную систему в целом, анализируют функции и полномочия институтов союзного или краевого масштабов. Однако один из ключевых институтов для реализации мероприятий «революции сверху» – институт уполномоченных – остается недостаточно исследован.

Сталинская система нуждалась в механизмах, которые бы подкрепляли, контролировали друг друга в ходе осуществления перманентных хозяйственно-политических кампаний.

² В редких случаях мобилизация длилась до нескольких лет (например, в случае двадцатипяти тысячников).

³ *Игнатьева Е.А.* Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: Материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. Новосибирск, 2020. С. 125–126.

⁴ *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

⁵ *Мертон Р.К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал, 2009. № 2. С. 5–17.

⁶ *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993.

⁷ *Коржихина Т.П.* Политическая система в СССР в 20–30-е годы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–60-е годы. М., 1991. С. 6–17; *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991). М., 1994.

⁸ *Морозова Т.И.* Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 45–48; *Морозова Т.И.* Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б): численность и кадровый состав // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Вып. 1: История. С. 103–108.

Особенно остро встал вопрос с начавшейся осенью 1929 г. социалистической реконструкцией сельского хозяйства. «Коллективизирующаяся» деревня испытала на себе всю мощь и мобилизационный потенциал вертикали власти, органичной частью которого выступал институт уполномоченных. Оценить масштабность этого действия позволяют слова секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г., где он подвел промежуточные итоги работы института уполномоченных за период с осени 1927 г.: «Мы направили в деревню по различным командировкам минимум четверть миллиона человек»⁹. Именно институту уполномоченных отводилась одна из ключевых ролей в ходе реализации радикальных аграрных преобразований.

С конца 1920-х гг. в деревню хлынула буквально «волна» многочисленных уполномоченных. Выработать единую классификацию для этого множества не представляется возможным. Нами предложено несколько вариантов систематизации. Первый – по критерию функционального значения кампании / конкретных мероприятий, на которую уполномоченный был мобилизован. Это могли быть кампании по «ликвидации кулачества как класса», хлебозаготовкам, самообложению, очередному «займу» индустриализации и т.д. Второй способ классификации – по административной принадлежности, т.е. принадлежности к тому или иному институту власти или общественной организации. Так, в делопроизводстве партийных и советских органов упоминаются уполномоченные Сибирского крайисполкома, окрисполкомов, райисполкомов (РИКов), уполномоченные по «партинии» (от ЦК ВКП(б) до райкома), уполномоченные ПП ОГПУ. Третий способ классификации – срок работы уполномоченных. Кампании / мероприятия могли быть срочными (уполномоченные по хлебозаготовкам, посевной кампании и т.д.) и бессрочными (двадцатипятидесятники). Четвертый критерий классификации – качество кампании / мероприятий по степени принуждения. Так, наиболее «мягкими» оказывались кампании по самообложению и «займу» индустриализации. Таким образом, жесткой и единой «табели о рангах» для уполномоченных установить нельзя. Более того, многочисленные командированные действовали, пересекаясь друг с другом на одной территории.

Множество уполномоченных, направлявшихся в деревню, полномочия и функции которых не были четко определены, становились причиной организационного хаоса в деревне, по крайней мере, на начальной фазе сплошной коллективизации. Только в конце февраля и начале марта в сибирскую деревню было направлено свыше 10 тысяч городских работников¹⁰. Однако количество направляемых уполномоченных еще не означало качество «помощи». Так, на совещании в крайкоме партии 30 января 1930 г. заместитель председателя правления Сибкрайколхозсоюза Харламов, описывая работу уполномоченных по организации колхозов, называл последних «гастролерами»: «Мы бестолково сейчас ведем работу <...> мы имеем сейчас очень много гастролерства. У нас из Москвы много гастролеров приехало, мы из края посылаем, вы из округов, а в среднем 40 человек на район. У нас 20–25 сельсоветов в каждом районе. Значит, мы имеем сейчас в районе по два приехавших человека на сельсовет, т.е. на две-три деревни. Это можно гору своротить, если мы скажем: сядьте и не смейте гастролерить. Группа в 3 человека в 1^{1/2}–2 месяца работы должна дать нам законченные, хорошо организованные один-два колхоза»¹¹.

Такое «гастролерство» существенным образом осложняло работу как самих уполномоченных, так и местного аппарата управления. Хаос в институциональную систему вносился «дублированием» полномочий «вертикалей» власти, их межведомственной конкуренцией. Так, 23 февраля 1930 г. в донесении председателю Новосибирского окрисполкома И.Г. Зайцеву работника райисполкома Кротова описывается ситуация, когда командированные на одну кампанию уполномоченные вынуждены выполнять мероприятия другой кампании: «Очень сильно отвлекает нас работа по выселению [кулаков] II категории. Сейчас в районе, в связи с этой работой, сидит 9 ч[еловек] особо уполномоченных, которые

⁹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 67.

¹⁰ Коллективизация сибирской деревни, январь-май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 241.

¹¹ Там же. С. 124.

оторваны от работы по ссыпке семян <...> Получено распоряжение по линии ОГПУ прекратить всякие действия впредь до особого распоряжения. Это окончательно нас поставило в неведомое положение. Всех расшевелили. Все о себе узнали. Теперь приходится оставить “до особо распоряжения”, а когда оно будет, чорт знает. Боимся разбегутся или еще что, мы и не решаемся отозвать уполномоченных по проведению этой работы, значит, люди сидят в районе, ничего не делая¹²».

Не менее жестко охарактеризовал ситуацию с функциями уполномоченных на совещании в крайкоме партии 30 января 1930 г. заведующий крайземуправлением Н.П. Ялухин, отвечавший за организацию весенней посевной кампании, проводившейся в те же самые, что и создание колхозов, сроки. Он акцентировал внимание на том, что здравая идея создать, подготовить и разослать на места уполномоченных помимо собственно специалистов агрономов и зоотехников, работавших на местах, на деле превратилась в фарс: «Эта кампания у нас провалена, и поэтому в силу отсутствия внимания к этой кампании мы получили не те кадры, которые нам нужны были для того, чтобы руководить кампанией в сельсоветах. Это нас ударило другим концом. Больше того, сейчас в районах имеются сотни людей и в целом ряде округов уже тысячи командированных в район людей, но очень мало сделано для того, чтобы организовать этих людей, для того, чтобы расставить эти силы соответственно их удельному весу <...> Инструктор ЦК в одном селе встретил 18 человек, командированным по отдельным вопросам посевной кампании и совершенно организационно в селе не связанным. Это безобразие, которое надо устранить. Я думаю, что вследствие этого наша живая помощь оказывается не всегда действенной. Мы имеем распыление наших и без того недостаточно живых сил»¹³.

Некоторую долю информации о должностных обязанностях уполномоченных имеется в документах организаций, направивших их в деревню. В инструкциях доминировала целевая составляющая, в то время как выбор средств для достижения последней оставался за самим уполномоченным. Так, в инструкции, написанной, по-видимому, в декабре 1928 г. работникам, командированным в деревню, заведующим отделом по работе в деревне Сибкрайкома ВКП(б) Комаровым не был прописан ряд «очевидных вопросов», а список программы их работы обозначен как «примерный»¹⁴. Однако с реализацией поставленных перед командированными целей возникали проблемы.

Уполномоченные оказывались в эпицентре развернувшейся в деревне «квазигражданской войны»¹⁵. Конфронтация с крестьянством принимала различные формы – от словесных перебранок до физического насилия и убийств. Так, 28 февраля 1930 г. в деревне Ново-Троицкой Татарского района Барабинского округа «на общее собрание членов колхоза явились не состоящие в колхозе середняки и часть бедняков (количество неизвестно), вооруженные железными ломками. Явившиеся требовали закрытия колхоза и роспуска собрания, угрожая уполномоченному РИКа – Мамаеву: “Мы тебя разорвем за то, что ты организовал коллектив”. При попытке членов колхоза покинуть собрание ворвавшиеся закрыли двери, никого не выпуская из помещения, успели уйти задним ходом только Упол[номоченный] РИКа и пред[седатель] колхоза “Ленинградский рабочий”. С оставшимися членами колхоза ворвавшиеся открыли свое собрание»¹⁶.

Данная ситуация, а особенно – дискурс угроз, типичны для деревни исследуемого периода и показательна в смысле отношений крестьян и приезжих. Угрозы жизни и здоровью уполномоченного, убийства и самоубийства последних стали непреднамеренным результатом насильственной «смычки» города и деревни, происходивших в первой половине 1930 г. Определенное распространение среди мобилизованных в деревню получил

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 846. Л. 80.

¹³ Коллективизация сибирской деревни... С. 131.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3282. Л. 20–24.

¹⁵ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 279.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 96.

другой поведенческий паттерн, имеющий скорее девиантную коннотацию, – алкоголизм уполномоченных. В донесениях сотрудников ПП ОГПУ по Сибирскому краю упоминания о таком способе «ухода от реальности» встречаются регулярно.

Выявившаяся высокая степень насилия в деревне не является следствием тех или иных характеристик российского крестьянства. Социалистическая реконструкция деревни перевернула жизнь последней, уничтожила традиционный уклад, превратила огромную часть населения страны в зависимых от государства сельских пролетариев. Такие производившиеся насильственным путем трансформации приводили к депривации сельского населения, социальной эксклюзии и маргинализации его части (зажиточного крестьянства), росту фрустрации. Агрессивная политика власти в деревне вызывала естественный протест последней. Однако на этот протест представители власти отвечали еще более радикальными действиями. Так деревня оказывалась втянута в перманентный «круговорот насилия».

Действительно, методы уполномоченных по реализации большевистских планов в деревне доходили до невероятной жестокости. Так, уполномоченный РИК по «сплошной коллективизации» в дер. Камышинска [неразборчиво. – *Е. И.*] Чумышского района Барнаульского округа член ВЛКСМ Киселев «разыграл процесс заседания», после чего «вынес приговор» одной из крестьянок, отказавшейся вступать в колхоз: «Трибунал именем РСФСР, рассмотрев дело Шатиловой Феклы, приговорил к высшей мере наказания – расстрелять». По прочтении приговора, оставив Шатилову и ее сестру Гончарову Марию, 17 лет, всех арестованных крестьян освободил. Шатиловой Киселевым было предложено: «Ты приговорена к расстрелу, я тебя освобождаю на один сутки с тем условием, если в течение одной минуты обежишь 80 дворов и сагитируешь крестьян вступить в коллектив»¹⁷. Насилие, тем самым, становилось «обыденной» формой взаимодействия между командированными и сельским миром.

Постулируемый властью тезис о «незнании» истинного положения «наверху» и массовом произволе на местах являлся лишь политическим маневром. Донесения о злоупотреблениях и «перегибах» (читай: реальном насилии – *Е. И.*) доходили до Москвы. Часть этих эпизодов сохранилась в делопроизводстве Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (НК РКИ СССР). Так, в выдержке «из информационных писем мобилизованных ЦК ВКП (б) товарищей на усиление хлебозаготовок» направленный в Сибирь Иголкин сообщает: «Уполномоченные часто делали ошибки, делая преимущественно административный нажим, выражающийся в производстве обысков, угроз описать имущество даже у середняков». Далее он описывал и более радикальные способы работы уполномоченных в деревне: «Наблюдаются угрозы со стороны уполномоченных, а иногда хулиганские выходки. Например, в селе Безголосово Алейского района Барнаульского округа уполномоченный РИКа и секретари сельсовета избili середняка и кулака, заставляли стучаться головами, били плетками и т.д. Вот эти извращения еще больше озлобляют крестьянство и доходит до того, что нас, работников по хлебозаготовкам в деревне не только не пускают на квартиры, но иногда не дают ни куска хлеба»¹⁸.

Сложившаяся практика – мобилизация одних кадров для надзора за другими, ниже стоящими по иерархии (вертикальный контроль), являлась неотъемлемой характеристикой партийно-государственной институциональной системы. Отчасти это рождалось из нормативной и здравой необходимости надзора за проверкой исполнения директив (хотя для этого существовали специальные органы в виде аппаратов ЦКК-РКИ). Однако в мобилизационной природе партийного государства с его изменчивой нормативностью и чрезвычайностью появление такого постоянно действующего, но весьма текучего института уполномоченных обуславливалось тем, что в его функционале переплетались две разнонаправленные задачи – уполномоченные были как исполнителями директив, так и контролерами деятельности местных аппаратных работников.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 26–27.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3377. Л. 182, 179.

Лояльное отношение к произволу уполномоченных объясняется восприятием эффективности их работы. В докладной записке ПП ОГПУ «О проведении кампании по самообложению Новосибирского округа» от 20 января 1929 г. напрямую указано, что там, где цифры плана не могли быть реализованы местными силами, ситуацию исправляли уполномоченные («там, где самообложение проведено менее 25 % – РИК посылает уполномоченных для проведения 25 %»¹⁹). Угрозы, манипуляции, насилие, различные ухищрения с процедурой голосования сельсовета при имитации легальности мероприятий («приписывание» присутствующих для кворума, например) и прочие специфические «методы» работы уполномоченных – все это объясняется отнюдь не их личностными характеристиками. Институциональная система в данный период могла функционировать только при условии применения чрезвычайных и мобилизационных мер. Так, упоминаемый ранее заведующий Сибкрайземуправлением Н.П. Ялухин прямо называл действия, реализуемые под руководством партийных органов в деревне, диктатурой²⁰.

Отметим, что выполнить возложенные на него задачи уполномоченный был обязан «под личную ответственность», которая могла измеряться ценой собственной жизни. Единственным критерием качества его работы считалось выполнение директивы. В источниках содержатся упоминания о наличии у уполномоченных оружия, которое они регулярно использовали. Совокупность этих факторов приводила к массовым злоупотреблениям и произволу со стороны командированных. Так, по районам Новосибирского округа среди лиц, привлеченных в марте 1930 г. к уголовной и партийной ответственности за «перегибы» в ходе «массовой коллективизации» уполномоченные составляли до 10 %²¹.

Р. Мертон отмечает, что недостаточность координации между постулируемыми культурой целями и институциональными способами их достижения ведет к аномии. Когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели, расходится с координированным институциональным значением средств, набор запрещенных приемов становится обычным делом. Большевицкое руководство «закрывало глаза» на многочисленные акты произвола, пока этот произвол способствовал достижению желаемых планов. Таким образом, система власти оказывала определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, сообразующегося с общепринятыми правилами²².

На уполномоченных была возложена не только миссия по выполнению задач партии, но и по контролю местного партийного и советского аппарата управления. Уполномоченные, направляемые в роли ревизоров, представляли в своих донесениях более откровенную, хоть и неприятную большевицкому руководству картину по ряду вопросов. В таких документах становятся очевидны провалы (и их следствия) аграрных кампаний большевиков, прежде всего коллективизации, абсолютная некомпетентность местных партийных и советских руководителей, ожесточение населения («здесь нельзя было обобществлять все вплоть до продовольствия это огромная ошибка чревата последствиями»²³).

От функций института перейдем к анализу его места в системе управления. Институт уполномоченных являлся эффективным и весьма скоростным лифтом социальной мобильности. В случае успешного / неуспешного выполнения задач уполномоченных ожидали преференции / санкции. Результатом для уполномоченного становился либо карьерный рост, либо его слом.

Рассмотрим пример вертикальной восходящей мобильности на примере уполномоченного Новосибирского окрисполкома по «высылке кулаков» Машинистова. Уполномоченный выступал здесь одной из ключевых фигур в кампании по «ликвидации кулачества», поскольку

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13. Л. 334.

²⁰ Коллективизация сибирской деревни... С. 130.

²¹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 607–611.

²² Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

²³ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846. Л. 87.

организовывал отправку «кулацких семей» из мест их прежнего проживания. Он проверял и утверждал списки выселяемых, сопровождал последних до пункта назначения, занимался управлением во вновь создаваемых поселках. В каждом таком поселке (100–125 хозяйств) назначался уполномоченный, который подчинялся тройке, а права и обязанности уполномоченных, комитетов (троек) и взаимоотношения их с РИКами определялись особой инструкцией, разработанной окрисполкомом. Так как работа уполномоченных в данном случае носила совершенно экстремальный, непривычный характер, то была для последних серьезным испытанием «на прочность».

Так, сопровождая первые подводы в необжитые таежные районы соседнего с Новосибирским Томского округа, 10 марта 1930 г. Машинистов в своей телефонограмме сообщал из Пихтовки в Новосибирский окрисполком: «Дорога разбита до крайности, движение обозов идет при огромнейших трудностях. Подвозчики и конвоиры прибывают без личного продовольствия. Вчера часть Чулымских подводчиков отказались от своих лошадей и дальше следовать. Дабы не допустить разложения, ямщики арестованы <...>. Есть опасение, что до полного разрушения дороги не сумеем перебросить грузы <...> по пути разбрасывается инвентарь, вещи, лошади и даже мука»²⁴. Машинистов, успешно справившийся с возложенной на него задачей высылки «кулаков», после завершения кампании был назначен секретарем окрисполкома²⁵.

Однако часть уполномоченных не справлялась с возложенными на них задачами, что становилось причиной обратного движения по социальной лестнице. Так, на примере массовой кадровой мобилизации уполномоченных-двадцатипяти тысячников мы видим, что к весне 1931 г. на работе в Западной Сибири осталось не более 61,5 % от их изначального состава²⁶.

Реальная жизнь деревни 1929–1930 гг. была отлична от рисуемой большевистской пропагандой картины – деревня оказалась погружена в инспирированную сверху социальную войну («классовая борьба» на советском «новоязе»), полное «погружение» в которую таило угрозу в отношении лояльности большевистской власти. Опыт соучастника трагедии советский деревни мог приводить к внутриличностным конфликтам. Отдельные агенты власти становились ренегатами по отношению к большевистскому режиму, публично отказываясь от выполнения возложенной на них миссии.

Институт уполномоченных в большевистской системе власти имел спорную легитимность, особенно в восприятии его крестьянством. Во-первых, командированные для сельского мира являлись «чужими». Причем, эта дихотомия носила не только социальный характер: город в целом для деревни представлялся в образе «паразита», поглощающего ее блага, но не дающего взамен ничего, кроме новых «комиссаров». Во-вторых, сами уполномоченные оценивали свою позицию в иерархии власти выше, чем представители мест. Причем, чем выше была инстанция, инициировавшая их отправку на места, тем отчетливее выражалась данная тенденция. Так, ленинградцы-двадцатипяти тысячники были убеждены, что находятся вне сферы компетенции местной и даже краевой власти и подотчетны лишь ЦК, что «развязывало» им руки. Однако представители местного аппарата не всегда признавали и не всегда считались с такой самоидентификацией командированных уполномоченных. А легитимность – это, в первую очередь, признание.

С точки зрения объективных причин, институт уполномоченных в исследуемый нами период приобретал характер «чрезвычайщины». Практика буквального «штурма» деревни не могла привести к ожидаемым конструктивным последствиям. Неопределенные функции уполномоченных, временный характер работы, их широкие полномочия приводили к тому, что уполномоченные как местным населением, так и частью местной власти воспринимались как «зло», вторгающееся в повседневную жизнь сельского социума.

²⁴ ГАНУ. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 21а. Л. 153.

²⁵ Там же. Л. 86 об.

²⁶ Троценко Н.Д. Двадцатипяти тысячники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) Новосибирск, 2013. С. 171.

Любой институт нуждается в легитимности не меньше, чем отдельный политик. Недостаток легитимности власти уполномоченных во время работы на селе усугублял деструктивность реализации планов социалистической реконструкции деревни. Уполномоченные, не будучи частью традиционного крестьянского мира, не обладали не только моральным авторитетом, но и материальными, финансовыми и другими видами ресурсов, необходимыми для позитивных преобразований аграрного уклада, которого ожидала деревня от города/власти. Такое положение предопределило высокую степень конфронтации в отношениях между приезжими и местным населением. Вместо укрепления легитимности власти большевиков в деревне, чрезвычайная практика применения данного института, свидетельствующая о перенагрузке/дестабилизации институциональной системы, на деле приводила к деструктивным последствиям. Институт уполномоченных являлся не более чем прагматичным инструментом для реализации амбициозных планов большевиков в деревне, «расходным» и одновременно постоянно пополнявшимся и воспроизводившимся кадровым ресурсом, используемым по мере необходимости.

Литература

Бордюгов Г.А. Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2011. № 2. С. 62–72.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.

Игнатъева Е.А. Уполномоченные как институт социально-политической мобилизации в Сибири в начале 1930 г. // История: Материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2020. С. 125–126.

Коллективизация сибирской деревни. Январь-май 1930 г.: сб. док-тов / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН, 2009. 488 с.

Коржихина Т.П. Политическая система в СССР в 20–30-е годы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–60-е годы. М., 1991. С. 6–17.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991). М.: РГГУ, 1995. 418 с.

Мертон Р.К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал, 2009. № 2. С. 5–17.

Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966 С. 299–313.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

Морозова Т.И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 45–48.

Морозова Т.И. Сибирский краевой комитет РКП(б) – ВКП(б): численность и кадровый состав // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 103–108.

Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 230 с.

Троценко Н.Д. Двадцатипятидесятники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 135–201.

References

Bordyugov, G.A. (2011). Politika chrezvychaynykh mer v resheniyakh Politbyuro TsK VKP(b) mezhdru "revolyutsiyey sverkhu" i bol'shim terrorom. 1930–1936 gg. [The Emergency Policies in Decisions of the Communist Central Committee Politburo between "Revolution From Above" and the Great Terror, 1930–1936]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 62–72.

Ignat'eva, E.A. (2020). Upolnomochennyye kak institut sotsial'no-politicheskoy mobilizatsii v Sibiri v nachale 1930 g. [Commissioners as an Institution of Social and Political Mobilization in Siberia at the Beginning of 1930]. In *Istoriya: Materialy 58-i Mezhdunarodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii 10–13 aprelya 2020 g.* Novosibirsk, pp. 125–126.

Il'inykh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2009). *Kollektivizatsiya sibirskoy derevni (yanvar' – may 1930 g.)* [Collectivization of the Siberian Village (January–May 1930)]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN. 488 p.

Korzhihina, T.P. (1991). Politicheskaya sistema v SSSR v 20–30-e gody [Political System in the USSR in the 1920s–1930s]. In *Politicheskiye sistemy SSSR i stran Vostochnoy Evropy. 20–60-e gody*. Moscow. 253 p.

Korzhihina, T.P. (1995). *Sovetskoye gosudarstvo i ego uchrezhdeniya (noyabr' 1917 – dekabr' 1991)* [The Soviet State and its Institutions (November 1917 – December 1991)]. Moscow, RGGU. 418 p.

Merton, R.K. (1966). Sotsial'naya struktura i anomiya [Social Structure and Anomie]. In *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennyye burzhuaznyye teorii)*. Moscow, pp. 299–313.

Merton, R.K. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST: Khranitel. 873 p.

Merton, R.K. (2009). *Neprednamerennyye posledstviya prednamerennogo sotsialnogo deystviya* [The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 5–17.

Morozova, T.I. (2013). Byuro Sibirskogo krayevogo komiteta RKP(b)–VKP(b): kompetentsiya, sostav, formy i metody deyatelnosti (mai 1924 – avgust 1930 g.) [Bureau of the Siberian Regional Committee of the RCP(b) – VKP(b) (Sibkraikom): Competence, Structure, Forms and Methods of Activities (May, 1924 – August, 1930)]. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 45–48.

Morozova, T.I. (2013). Sibirskiy kraevoy komitet RKP(b) – VKP(b): Chislennost' i Kadrovyy sostav [The Sibirskiy Kraevoy Komitet of RCP(b) – AUCP(b): Numerical Strength and Membership (May 1924 – august 1930)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*. Vol. 12. No. 1: Istoriya, pp. 103–108.

Pavlova, I.V. (1993). *Stalinizm: stanovleniye mekhanizma vlasti* [Stalinism: The Formation of the Machine of Power]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 230 p.

Trotsenko, N.D. (2013). Dvadsatipyatitsyachniki v Sibiri (1929–1933 gg.) [Twenty-Five-Thousanders in Siberia]. In *Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)*. Novosibirsk, pp. 135–201.

Viola, L. (2010). *Krestyanskiy bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krestyanskogo soprotivleniya* [Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance]. Moscow, ROSSPEN. 366 p.

Статья поступила в редакцию 27.07.2020 г.